

входя въ подробности, но и не опуская ничего существеннаго (стр. 158—276), и наконецъ, дѣлаетъ попытку опредѣлить „значеніе основныхъ началъ Положительной Философіи“, при чемъ главнымъ образомъ говорить о влияніи Шеллинга на нашихъ славянофиловъ. За исключеніемъ сравнительно немногихъ мѣстъ, выраженныхъ темною и недостаточно опредѣленно (стр. 2, 34, 59, 65, 303), въ общемъ сочиненіе изложено ясно. Знакомство съ подлинникомъ хорошее; цитаты правильны; нѣтъ ни передержекъ, ни перетолкованія мыслей философа. Лучшая часть труда — „Введеніе“, обнаруживающее въ авторѣ серьезную вдумчивость и историко-философскую проницательность. Напротивъ послѣдняя глава написана спѣшно и блѣдно. Авторъ замѣтно пожалѣлъ на нее труда и вообще въ излишкѣ труда его упрекнуть нельзя: чувствуется въ сочиненіи недостатокъ подготовительной (черновой) работы, — снесенія параллелей, ссылокъ во вторыхъ источникахъ и т. д. Впрочемъ, этотъ недостатокъ имѣетъ и свою хорошую сторону: благодаря ему, сочиненіе свободно отъ излишняго научнаго балласта и представляетъ изъ себя довольно стройное цѣлое. Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно.“

Исправляющаго должность доцента Павла Соколова о кандидатскомъ сочиненіи студента *Николая Городенскаго*: „Прирожденные идеи и идея Божества“.

„Задача г. Городенскаго состояла въ томъ, чтобы изслѣдовать исторически и критически старый вопросъ о происхожденіи всеобщихъ и необходимыхъ истинъ, извѣстныхъ подъ традиціонныхъ именемъ „прирожденныхъ идей“, и въ особенности главной изъ этихъ истинъ, — идеи Божества. По смыслу этой задачи авторъ долженъ былъ 1) изложить исторію ученій о природенныхъ идеяхъ, 2) подвергнуть критикѣ различные типы этихъ ученій и 3) въ связи съ результатами этой критики придти къ положительному рѣшенію

вопроса. Въ такомъ именно порядкѣ и ведетъ г. Городенскій свою работу. Само собою разумѣется, что для него не было ни возможности, ни нужды излагать воззрѣнія всѣхъ мыслителей, когда-либо касавшихся вопроса о прирожденных идеяхъ. Поэтому онъ останавливается лишь на главнѣйшихъ защитникахъ и противникахъ теоріи прирожденности, изслѣдуетъ ученія Платона, Аристотеля, Декарта, Локка, Юма и Милля, Лейбница, Канта и Спенсера. Раздѣливъ точки зрѣнія этихъ мыслителей на четыре группы: позитивизмъ, эмпиризмъ, эволюціонизмъ и раціонализмъ, онъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ позитивизмъ и эмпиризмъ и на основаніи этой критики приходитъ къ выводу, что такъ называемыя прирожденные идеи имманентны нашему духу по своей формѣ и зависятъ отъ опыта по своему содержанію. Въ основѣ это—точка зрѣнія Кантовскаго апріоризма, который по справедливому сужденію автора, психологически сводится къ теоріи прирожденности. Далѣе предполагались критическія замѣчанія противъ эволюціонизма и раціонализма и положительное обоснованіе апріоризма съ философской и богословской точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, тяжелая болѣзнь не позволила автору вполне выполнить эту работу, и онъ ограничился важнѣйшей ея частію,—богословскимъ оправданіемъ апріорическаго взгляда на происхожденіе идеи Божества. На основаніи библейскаго и святоотеческаго ученія онъ показываетъ, что идея Божества апріорна и прирождена намъ какъ формальный принципъ, потому что въ нашей душѣ заложено исканіе Бога и начертанъ Его образъ; но она обязана опыту своимъ содержаніемъ, такъ какъ (въ предѣлахъ естественнаго Богопознанія) только путемъ внутренняго и внѣшняго наблюденія мы можемъ постигнуть тѣ черты образа Божія, которыя скрыты въ нашей душѣ и отражаются въ мірѣ.

Такимъ образомъ, работа автора не закончена, по это не мѣшаетъ составить представленіе какъ о ея приемахъ, такъ и о ея результатахъ.

Наибольшую долю сочиненія г. Городенскаго (312 стр. изъ 478) занимаетъ историческая часть, и въ ней именно сосредоточиваются главныя достоинства и главные недостатки всего труда. Изложить самостоятельно, точно и ясно рядъ сложныхъ и противорѣчивыхъ философскихъ теорій, — это трудная задача. Она требуетъ отъ пишущаго не только знаній и умѣнья владѣть перомъ: она требуетъ отъ него выдающихся качествъ философскаго анализа и синтеза. Историкъ философскихъ теорій не долженъ быть простымъ компиляторомъ мыслей и выраженій философа: онъ долженъ продумать его идеи, отдѣлать главныя изъ нихъ отъ второстепенныхъ и поставить ихъ въ ту логическую связь, которая имъ присуща и которая часто бываетъ не установлена самими философами. Можно безъ преувеличенія сказать, что хорошо изложить идеи мыслителя способенъ только тотъ, кто самъ обладаетъ качествами мыслителя. Несмотря на то, что въ изложеніи г. Городенскаго, какъ увидимъ, есть болѣе или менѣе существенныя пробѣлы и недостатки, онъ въ общемъ выполнилъ эту трудную задачу прекрасно. Воззрѣнія всѣхъ разсматриваемыхъ имъ философовъ, за исключеніемъ Аристотеля, онъ изучилъ по ихъ собственнымъ сочиненіямъ; ихъ идеи онъ продумалъ, систематизировалъ и передалъ съ замѣчательной ясностью и простотой. Особенно удалось ему изложеніе теорій Локка и Канта. Скуднѣйшій „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Локка, полный безконечнымъ повтореній и наивныхъ разъясненій, онъ передаетъ въ такой формѣ, что этотъ трактатъ становится прямо интереснымъ. Воззрѣнія Канта онъ излагаетъ не какъ прилежный студентъ, внимательно прочитавшій нужные ему отдѣлы Критики чистаго разума, а какъ человѣкъ, основательно *изучившій* Кантову философію. Все это — несомнѣнныя и выдающіяся достоинства исторической части сочиненія г. Городенскаго. Что касается ея недостатковъ, то самымъ важнымъ изъ нихъ является отсутствіе общаго

плана. Излагать философскія теоріи можно или въ *прагматической связи*, или по *логической схемѣ*: можно передать ихъ въ томъ преествѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали на исторической сценѣ, вызывая и обуславливая другъ друга; и можно сгруппировать ихъ по тѣмъ направленіямъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ. Г. Городенскій, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ ни тому, ни другому приему. Онъ излагаетъ ученія о прирожденныхъ идеяхъ въ такомъ порядкѣ, что между ними трудно усмотрѣть какую-нибудь опредѣленную связь. Послѣ Локка у него слѣдуютъ Юмъ и Милль, которыхъ онъ соединяетъ въ одной и той же главѣ, несмотря на то, что эти мыслители и по времени и по возрѣніямъ достаточно далеки другъ отъ друга. Противникъ Локка, Лейбницъ, писавшій свои „Новые опыты“ прямо въ отвѣтъ на „Опытъ“ Локка, излагается послѣ Юма и Милля. Кантъ, критическая философія котораго сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Юма, отдѣляется отъ него Лейбницемъ. Далѣе, въ историческомъ обзорѣ г. Городенскаго нужно отмѣтить нѣкоторые пробѣлы и ошибки. Говоря о Платонѣ, авторъ не разъяснилъ его спорнаго ученія о душѣ и безсмертіи, которое стоитъ въ тѣсной связи съ его теоріей припоминанія. Изложеніе воззрѣній Аристотеля слишкомъ кратко и не полно. При изложеніи воззрѣній Декарта недостаточно разъяснены его методическіе принципы, на которые опирается вся его аргументація въ пользу прирожденныхъ идей. Съ общою точкою зрѣнія автора на философію Локка я не могу вполне согласиться. Авторъ совершенно справедливо протестуетъ противъ г. Серебренникова, который, утрируя своеобразный взглядъ проф. Каринскаго, признаетъ Локка интуитивистомъ и почти отождествляетъ его воззрѣнія съ воззрѣніями Декарта. Но онъ едва ли правъ, когда отыскиваетъ у Локка элементы пативизма и называетъ его „умѣреннымъ или относительнымъ“ эмпирикомъ. Если есть какія нибудь основа-

нiя различать „умѣренный“ и „полный“ эмпиризмъ, то Локкъ во всякомъ случаѣ „полный“, хотя и не всегда послѣдовательный, эмпирикъ. Говоря о Юмѣ, авторъ не сдѣлалъ спеціального изложенiя его теорiи ассоціаціи, знаніе которой необходимо для полнаго пониманiя воззрѣнiй этого мыслителя. Отождествленіе Лейбницевскаго пониманiя врожденныхъ идей съ точкой зрѣнiя Декарта едва ли правильно. Правда, точка зрѣнiя Декарта недостаточно опредѣленна, а его выраженiя противорѣчивы, но точное пониманіе того, что онъ говоритъ въ *Meditationes*, заставляетъ различать его „врожденные идеи“ отъ „расположенiй“ Лейбница. Изложеніе воззрѣнiй Спенсера не полно и не совсѣмъ удачно: авторъ замѣчательно ясно и точно формулируетъ общую точку зрѣнiя этого философа, но ея развитіе замѣняетъ просто длинною выдержкой изъ Спенсеровыхъ „Основанiй психологiи“. Наконецъ ощутительнымъ пробѣломъ является отсутствіе сенсуалистическихъ теорiй Геринга и Кондильяка.

Критическая часть сочиненiя г. Городенскаго сравнительно менѣе обработана, чѣмъ историческая. Какъ въ знанiяхъ, такъ и въ аргументахъ автора иногда замѣчаются недочеты. Онъ слишкомъ мало пользуется въ критическихъ цѣляхъ тѣмъ фактическимъ и теоретическимъ матеріаломъ, который онъ могъ бы почерпнуть въ извѣстныхъ ему психологическихъ сочиненiяхъ Вундта, Джемса, Рибо, Фулье, Тэна, Прейера, Перэ и др. У Гефдингга онъ могъ бы найти блестящую защиту мысли объ активности всѣхъ нашихъ душевныхъ процессовъ, доказательству которой онъ посвящаетъ большую часть своей критики эмпиризма. Возраженiя автора противъ пониманiя сознанiя, какъ простаго свойства психическихъ процессовъ, основаны на недоразумѣнiи, потому что такое пониманіе еще вовсе не предполагаетъ собой механической теорiи душевной жизни. Въ критикѣ эмпиризма замѣчаются нѣкоторыя повторенiя и не-

достатокъ систематизаціи. Но не смотря на эти недостатки критической части, въ ней проявляются тѣже свойства автора, которыми обусловлены выдающіяся достоинства историческаго отдѣла его труда: самостоятельность и ясность мысли, гибкость ума и способность къ глубокому анализу. Авторъ здѣсь такой же самостоятельный и дѣльный работникъ, какъ и тамъ, только здѣсь его работа не созидательная, а разрушительная. Онъ умѣетъ съ удивительною проницательностію подмѣтить самую слабую сторону разбираемой теоріи и замѣчательно ясно выставить ее на видъ. Онъ способенъ распутать очень тонкія недоразумѣнія и показать ихъ источники и ихъ результаты. Когда онъ вращается въ области чисто логической критики, онъ является сильнымъ діалектикомъ; когда ему приходится имѣть дѣло съ психологическими фактами, онъ обнаруживаетъ выдающуюся способность къ психологическому анализу.

Что касается точки зрѣнія, на которую въ заключеніи становится самъ авторъ, то она, по моему мнѣнію, совершенно правильна и дѣлаетъ честь его критическому такту. Нѣтъ сомнѣнія, что только на почвѣ апріоризма можно придти къ главному разрѣшенію вопроса о прирожденных идеяхъ, которое будетъ одинаково научнымъ и христіанскимъ, которое будетъ стоять въ согласіи съ фактами и логикой и найдетъ себѣ полное богословское оправданіе. Это богословское оправданіе апріорической точки зрѣнія на прирожденные идеи и, въ частности, на идею Божества было конечной задачей автора, и онъ удовлетворительно выполнилъ эту задачу въ своемъ содержательномъ, хотя и краткомъ, анализѣ библейскаго и святоотеческаго ученія.

Мое общее сужденіе о сочиненіи г. Городенскаго слѣдующее: не смотря на его незаконченность и указанные выше недостатки, оно является выдающимся. Его незаконченность объясняется обстоятельствами, о которыхъ можно

пожалѣть, по которыхъ пользя ставить въ вину автору. Что же касается его недостатковъ, то въ большинствѣ случаевъ они извинительны: не трудно видѣть, что это — или недостаточно мотивированные взгляды въ области такихъ спорныхъ вопросовъ, въ которыхъ каждый въ правѣ имѣть свое личное мнѣніе, или пробѣлы, болѣе или менѣе неизбежныя при такой сложной работѣ, какова работа автора, — особенно если имѣть въ виду, что эта работа есть результатъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Эти извинительные недостатки сочиненія г. Городенскаго съ избыткомъ искупаются его крупными достоинствами, отмѣченными выше. Разсматриваемое сочиненіе есть плодъ большаго самостоятельнаго труда и крупнаго таланта, который можетъ много общать въ будущемъ, оно обнаруживаетъ въ авторѣ научную зрѣлость, трезвость философскихъ взглядовъ и правильность христіанскихъ убѣжденій.

На основаніи этого считаю г. Городенскаго вполне достойнымъ степени кандидата богословія“:

Исправляющаго должность доцента Ивана Попова.

О сочиненіи студента *Бориса Въленькаго* на тему: „Люцій Целій Фирміанъ Лактанцій“.

„Сочиненіе можно раздѣлить на пять частей. Въ первой излагаются краткія біографическія свѣдѣнія о Лактанціѣ, вторая содержитъ въ себѣ трактатъ о сочиненіяхъ этого писателя и источникахъ, которыми онъ пользовался, третья часть посвящена систематическому изложенію полемики Лактанція противъ языческой философіи и религіи, а четвертая такому же изложенію положительныхъ и богословскихъ воззрѣній апологета. Въ заключеніе авторъ даетъ общую литературную характеристику сочиненій Лактанція и указываетъ источники и пособія, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда. Такой, произвольно расширенный, планъ не могъ быть выполненъ вполне удовлетворительно въ теченіе года. И дѣйствительно, не успѣвъ

изучить вполнѣ основательно твореній Лактанція, авторъ поддается въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своего сочиненія сильному вліянію пособій. Нѣкоторые пункты ученія Лактанція онъ излагаетъ не столько по его трудамъ, сколько по имѣвшимся подъ руками монографіямъ. Затѣмъ самое изложеніе системы Лактанція сдѣлано не совсѣмъ умѣлою рукою — именно тѣ ея пункты, которые раздѣляются и другими церковными писателями, излагаются слишкомъ обширно, наоборотъ индивидуальныя особенности изучаемаго писателя старательно сглаживаются. Отъ этого оригинальная система Лактанція выходитъ изъ подъ пера автора значительно обезцвѣченной и много потерявшей въ своей конкретной осязательности. Таковы недостатки изложенія. Что касается вопроса о генезисѣ идей Лактанція, то онъ совсѣмъ почти не затронутъ авторомъ. Правда, послѣ нѣкоторыхъ положеній Лактанція онъ указываетъ параллели у другихъ раннѣйшихъ церковныхъ писателей. Но эти указанія не дають никакого опредѣленнаго понятія объ отношеніи Лактанція къ другимъ писателямъ по своей краткости — изъ нихъ не видно, случайно ли Лактанцій совпадаетъ въ своихъ сужденіяхъ съ предшественниками, или же стоитъ въ прямой зависимости отъ нихъ, и насколько значительна эта зависимость.

Эти недостатки, впрочемъ, находятъ себѣ нѣкоторое извиненіе въ увлеченіи автора и его стремленіи всесторонне исчерпать предметъ своего изслѣдованія, номѣшавшихъ ему выполнить съ одинаковою тщательностію всѣ части своего труда. Вообще же авторъ занимался своею работою съ усердіемъ. Кромѣ трудовъ Лактанція въ новѣйшемъ изданіи онъ прочелъ всѣ доступныя ему изслѣдованія объ этомъ писателѣ, ознакомился также съ общими курсами исторіи догматовъ и даже съ нѣкоторыми монографическими сочиненіями по исторіи отдѣльных догматовъ. Въ общемъ онъ обнаружилъ достаточную независимость отъ

пособій и нѣкоторые отдѣлы своего сочиненія составилъ самостоятельно. Въ заключеніи помѣщена общая характеристика воззрѣній Лактанція, до нѣкоторой степени восполняющая недостатокъ рельефности въ изложеніи конкретнаго и осязательнаго. Изложено сочиненіе языкомъ чистымъ и правильнымъ.

Принимая во вниманіе эти извиняющіяся обстоятельства и положительныя достоинства сочиненія г. Бѣленькаго, нужно признать его достойнымъ степени кандидата богословія“.

О сочиненіи студента *Михаила Нечаева* на тему: „Св. Діонисій Великій, епископъ Александрійскій“.

„Обширное сочиненіе г. Нечаева распадается на двѣ части. Въ первой, состоящей изъ четырехъ главъ, въ связи съ біографіей св. Діонисія излагаются свѣдѣнія, касающіяся его сочиненій, времени и повода ихъ написанія, подлинности дошедшихъ до насъ фрагментовъ. Вторая часть посвящена систематическому изложенію богословскихъ воззрѣній св. Діонисія, насколько о нихъ позволяютъ судить скудные остатки его сочиненій. Этотъ планъ въ первой своей части имѣетъ нѣкоторыя неудобства. Именно бібліографическія свѣдѣнія касательно сочиненій Св. Діонисія лучше было бы выдѣлить изъ его біографіи и изложить ихъ въ особомъ отдѣлѣ сочиненія. Этимъ достигались бы двѣ цѣли: во первыхъ, молкія бібліографическія подробности не нарушали бы тогда цѣльности и связности біографіи, во вторыхъ, для читателя облегчалась бы возможность справокъ, касающихся сочиненій св. Діонисія. Кромѣ этого неудобства плана нужно отмѣтить и то, что авторъ остается не всегда ему вѣрнымъ. Такъ, напр., церковно-практическіе взгляды св. Діонисія по поводу Новаціанства, по вопросу о крещеніи еретиковъ, а также его эсхатологическія воззрѣнія излагаются авторомъ почему то не во второй, систематической, части, а въ первой. Вторымъ не-

достаткомъ сочиненія является нѣкоторая неполнота изслѣдованія. Авторъ, напр., совсѣмъ не касается вопроса объ отношеніи космологическихъ идей св. Діонисія къ классической философіи, опускаетъ также вопросъ объ экзегетическихъ пріемахъ знаменитаго ученика Оригена и его отношеніи въ этомъ пунктѣ къ своему учителю.

Указанные недостатки однако вполне вознаграждаются крупными достоинствами сочиненія. За исключеніемъ отмѣченныхъ недочетовъ, авторъ вполне исчерпалъ свою тему и обнаружилъ при этомъ большое трудолюбіе и способность къ научнымъ занятіямъ въ области исторіи. Всѣ доступные ему источники и пособія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ темѣ, тщательно изучены авторомъ и подвергнуты строгой критической провѣркѣ. Насколько позволяла ограниченность срока работы, г. Нечаевъ достаточно ознакомился съ изучаемой эпохой и тѣми богословскими и церковными теченіями, которыя могутъ пролить свѣтъ на тѣ или иные стороны жизни и ученія св. Діонисія. Къ лучшимъ частямъ сочиненія пужно отнести библиографическія изслѣдованія и анализъ ученія св. Діонисія о Сынѣ Божіемъ—именно тѣ отдѣлы, которыя требовали наибольшей осторожности, внимательности къ источникамъ и критическаго такта. При недостаткѣ прямыхъ данныхъ—неудобство, съ которымъ автору по характеру темы особенно часто приходилось считаться,—онъ всегда умѣетъ найти косвенныя данныя для своихъ сужденій по тому или иному вопросу и избѣжать натяжекъ и утрировки, столь часто встрѣчающихся въ подобныхъ случаяхъ.

Все это, вмѣстѣ съ вполне добросовѣстнымъ отношеніемъ къ пособіямъ, дѣлаетъ сочиненіе г. Нечаева вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

Исправляющаго должность доцента Сергѣя Глаголева:

О сочиненіи студента *Никифора Дмитревскаго* на тему:
„Ученіе корана о Богѣ.“

„Сочиненіе г. Дмитревскаго состоитъ изъ предисловія (I—XXIII), введенія (1—71) и трехъ частей изслѣдованія (72—457). Въ предисловіи онъ говоритъ о причинахъ побуждающихъ богослововъ заниматься изслѣдованіемъ магометанства и о противомасульманскихъ миссіяхъ, во введеніи онъ говоритъ о коранѣ, его составѣ, редакціяхъ, содержаніи, о переводахъ корана и изслѣдованіяхъ, имѣющихъ его своимъ предметомъ. Въ первой и второй части авторъ излагаетъ религіозныя вѣрованія народовъ, населявшихъ аравійскій полуостровъ въ періодъ до Магомета и выясняетъ отношеніе корана къ этимъ вѣрованіямъ. Только въ третьей части авторъ приступаетъ къ изложенію положительнаго ученія корана о Богѣ и даетъ его въ III, IV и V главахъ (321 — 447) этой части. Въ заключеніи, представляющемъ шестую главу третьей части, авторъ кратко резюмируетъ вышеизложенное или, какъ онъ выражается, формулируетъ „тѣ тезисы, на которые при этомъ изученіи (главнаго догмата корана) было обращено все наше (автора) вниманіе“.

Г. Дмитревскому была предложена задача выяснить ученіе корана о Богѣ и показать, какъ могло образоваться такое ученіе. Изъ изложеннаго краткаго содержанія его изслѣдованія видно, что онъ къ выполненію этой двойной задачи пошелъ очень своеобразнымъ путемъ, который, впрочемъ нужно замѣтить, онъ самъ считаетъ единственно естественнымъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ напрасно такъ много и усердно доказываетъ нужду въ изслѣдованіяхъ корана, такъ какъ это совсѣмъ не требовалось темою. Совершенно основательно ученію корана о Богѣ онъ предпослалъ изложеніе ученій о Богѣ, существовавшихъ въ Аравіи до корана. Эти ученія, конечно, были матеріаломъ, изъ котораго создался коранъ. Но совершенно неоснова-

тельно нашъ авторъ представилъ процессъ этого созданія. У него дѣло представляется какъ бы такъ: авторъ корана подвергъ изслѣдованію всѣ религіи Аравіи и путемъ критическаго разбора ихъ пришелъ къ построенію своего ученія, т. е. значить, что религія Магомета, по представленію г. Дмитревскаго, возникла такъ же, какъ возникаютъ кандидатскія сочиненія студентовъ, но такъ никогда не можетъ возникнуть религія. Вообще со многими разсужденіями г. Дмитревскаго о взаимоотношеніяхъ различныхъ аравійскихъ ученій и корана совершенно нельзя согласиться. Часто онъ пускается здѣсь въ область широкихъ предположеній по такимъ вопросамъ, которые и неразрѣшимы, и не важны, иногда вступаетъ въ бесплодные и неосновательные споры. Такъ, напримѣръ, ему почему то не понравилось мнѣніе, что окружающая природа вліяетъ на образованіе религіозныхъ представленій у человѣка, и онъ вступилъ по этому вопросу въ горячій споръ съ проф. Петровымъ. Планъ автора, слѣдя которому онъ сначала излагаетъ обличительныя и полемическія замѣчанія корана на различныя религіозныя ученія, а потомъ излагаетъ собственное ученіе корана, имѣетъ то неудобство, что въ сочиненіи встрѣчаются неоднократныя повторенія.

Немаловажнымъ недостаткомъ сочиненія является его тонъ. Часто изъ-подъ пера автора выходятъ такія ласковыя выраженія, какъ: „Магометъ солгалъ“, „догматы корана украдены“, и нерѣдко анализъ ученія корана превращается въ его сочиненіи въ обвинительный актъ. Въ оправданіе автора должно сказать, что онъ самъ обнаруживаетъ явное стремленіе быть объективнымъ; такъ: онъ не повторяетъ за другими, что въ коранѣ нѣтъ указаній на загробное существованіе женщины или что коранъ безусловно отрицаетъ свободу воли, но суровообличительный тонъ имѣвшіеся у него пособій измѣнялъ его настроеніе и онъ рѣзко обрушивался на „лживаго пса Маомеа“ и договаривался

даже до того, что оправдывалъ предложенную нѣкогда въ Греціи „анаѣмъ Богу Магомета“. Такой тонъ и такіе приемы полемики, будучи очень простыми и обычными, безусловно вредны; они не убѣждаютъ, но раздражаютъ. Можетъ быть авторы такихъ полемическихъ или апологетическихъ трактатовъ и получали за нихъ лично для себя блага вроде скорого присужденія имъ ученыхъ степеней или чего иного, но православной истинѣ они приносили несомнѣнный вредъ. Для г. Дмитревскаго увлеченіе такимъ тономъ и такими приемами является особенно вреднымъ, потому что въ его сочиненіи о превосходствѣ православно-христіанской истины предъ ученіемъ корана говорится мало, обще и неясно, между тѣмъ на раскрытіе этого превосходства должно бы обратить серьезное вниманіе и показать его можно было бы, и не брани Магомета и его коранъ, и не обнаруживая по отношенію къ нимъ неумѣренной и излишней придирчивости.

Въ сочиненіи не мало ошибочныхъ утвержденій и взглядовъ. Такъ, наприм., авторъ говоритъ, что христіанство предупредило исламъ на цѣлыхъ семь вѣковъ (450), на самомъ дѣлѣ ровно на шесть, что сочиненіе „О именахъ Божіихъ“, приписываемое Діонисію Ареопагиту (337) появилось значительно позже. Древне-персидской религіи авторъ приписываетъ пантеистическое ученіе о человѣкѣ (137). Это совершенно неправильно. Грековъ и римлянъ обвиняетъ въ фетишизмѣ (118) и вообще высказываетъ много неосновательнаго объ идолопоклонствѣ. Источникъ для магометанскаго сказанія о паденіи ангеловъ авторъ указываетъ въ Библии (223 и 402), но въ Библии сказанія о паденіи ангеловъ нѣтъ. Нѣкоторыя мѣста корана авторъ понялъ и истолковалъ совершенно неправильно, вслѣдствіе чего въ ученіи корана о Богѣ онъ усмотрѣлъ противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ (32—33), и приписалъ Магомету пантеистическое ученіе о земной жизни и о человѣкѣ

(395), сходное съ буддйскимъ, что совершенно не вѣрно. Иногда съ ущербомъ для своихъ апологетическихъ цѣлей авторъ неточно и неправильно передавалъ факты (напр., рассказъ о Зейнабѣ. 305—306). Съ неосновательною суровостью отнесся авторъ къ дѣленію дѣятельности Магомета на меккскій и мединскій періоды (309—310 и др.), сообразивъ, будто сторонники этого дѣленія предполагаютъ, что въ Магометѣ въ концѣ перваго періода моментально измѣнился характеръ и вслѣдствіе этого мгновенно измѣнился и образъ и характеръ его дѣятельности. Совершенно напрасно авторъ ввелъ разсужденіе объ отношеніи ученія Магомета объ Иисусѣ Христѣ къ ученію о Логосѣ александрійскихъ философовъ, при чемъ на основаніи того, что и какъ онъ говоритъ объ этихъ философахъ (254), можно предположить, что онъ знаетъ о нихъ не много болѣе, чѣмъ Магометъ, который о нихъ не зналъ ничего. Много въ сочиненіи странныхъ выраженій: такъ, въ одномъ мѣстѣ (311) авторъ говоритъ о Магометѣ, что онъ страдалъ патріотизмомъ, какъ будто патріотизмъ есть болѣзнь, въ другомъ (169) называетъ его плагиатомъ (плагиаторомъ?).

Но есть въ сочиненіи и серьезныя достоинства. Все въ немъ носитъ на себѣ печать трудолюбія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Авторъ тщательно собралъ, какія только могъ, пособія по изслѣдуемому имъ вопросу, внимательно прочиталъ ихъ и, насколько умѣлъ, попытался въ нихъ разобраться. Въ сочиненіи есть много дѣльныхъ критическихъ замѣчаній. По многимъ вопросамъ относительно происхожденія ученія корана авторъ высказываетъ и защищаетъ взгляды гораздо болѣе правильные, чѣмъ тѣ, которые широко распространены еще доселѣ.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе выполнѣ удовлетворительно“.

О сочиненіи студента *Ивана Строганова* на тему: „Вопросъ о злѣ въ религіи Заратуштры“.

„Небольшое по объему (142 страницы) сочиненіе г. Строганова написано живымъ и яснымъ языкомъ. Оно содержитъ въ себѣ исторію ученія о добрѣ и злѣ въ иранской вѣтви арійской группы народовъ. Авторъ говоритъ объ источникахъ этой исторіи, о вѣрованіяхъ иранцевъ въ ту отдаленную эпоху, когда они только что отдѣлились отъ обще-арійскаго корня, о томъ, какъ изъ этихъ вѣрованій, имѣвшихъ натуралистическій характеръ, выработались спиритуалистическія религіозныя возрѣнія, приписываемыя Заратуштрѣ, и о судьбѣ этихъ послѣднихъ. Свое изслѣдованіе онъ оканчиваетъ разсужденіемъ о взаимоотношеніи ученія Библии и Заратуштры о происхожденіи зла. Онъ отмѣчаетъ своеобразное положеніе иранцевъ между народами: принадлежа по происхожденію къ арійцамъ, они въ религіозно-культурномъ отношеніи совершенно примыкаютъ къ семитамъ. Сходство религіознаго ученія Заратуштры съ Библейскимъ авторъ объясняетъ отчасти тѣмъ, что у персовъ сохранились останки первооткровенія, въ значительной мѣрѣ влияніемъ на персовъ Библии и евреевъ, влияніемъ сдѣлавшимся сильнымъ со времени Кира.

Понятно, авторъ работалъ не по перво-источникамъ, но онъ воспользовался хорошими изслѣдованіями о Зендъ-Авестѣ и Заратуштрѣ и въ пользованіи ими проявилъ достаточно критическаго такта. Нигдѣ въ своемъ изслѣдованіи онъ не становится на сторону сомнительныхъ и произвольныхъ гипотезъ и при обсужденіи трудныхъ вопросовъ (напр., о времени жизни Заратуштры) благоразумно становится на сторону тѣхъ ученыхъ, которые при современномъ состояніи знанія признаютъ эти вопросы неразрѣшимыми. Всѣ свои утвержденія авторъ старается по возможности обосновывать. Изъ сочиненія автора слѣдуютъ нѣкоторые апологетическіе выводы; въ заслугу ему должна быть поставлена та осторожность, съ которою онъ ихъ дѣлаетъ. Опровергая сторонниковъ того взгляда, что нѣкоторые элементы

Библейскаго ученія заимствованы у персовъ, онъ не обвиняетъ ихъ съ развязностью другихъ апологетовъ въ злонамѣренности, невѣжествѣ и непониманіи дѣла, но пытается научными аргументами доказать ошибочность ихъ воззрѣній.

Недостатки сочиненія немалочисленны. Заключивъ свое изслѣдованіе въ размѣрѣ всего лишь 18-ти листовъ, авторъ неизбежно о многомъ долженъ былъ говорить кратко и глухо, а многое и совсѣмъ упустилъ изъ вида. Такъ исторію развитія религіозныхъ воззрѣній иранцевъ авторъ излагаетъ только съ внѣшней стороны, почти не устанавливая генетической связи послѣдующихъ воззрѣній съ предыдущими и не говоря о факторахъ, производившихъ измѣненія этихъ воззрѣній. Философской оцѣнки Библейскаго и персидскаго ученія о происхожденіи зла авторъ почти не дѣлаетъ, между тѣмъ на это онъ бы долженъ былъ обратить серьезное вниманіе. При обсужденіи вопроса объ историческомъ взаимоотношеніи персидской и еврейской религій авторъ долженъ бы дать анализъ нѣкоторыхъ мѣстъ Авесты и Библии и подробнѣе изложить и разобрать взгляды зракистовъ, но онъ не сдѣлалъ этого. Нѣкоторыя разсужденія автора нельзя признать основательными. Такъ сходство нѣкоторыхъ сказаній Авесты съ Библіею онъ объясняетъ сохраненіемъ у арійцевъ нѣкоторыхъ отрывковъ первооткровенія, при чемъ возможность такого сохраненія доказываетъ ссылкой на американскія преданія, будто бы совершенно тождественныя съ Библіей, но во 1) эти преданія далеко не тождественны съ Библіей, во 2) они представляютъ собою не отголосокъ первооткровенія, а искаженія разсказовъ миссіонеровъ. Несомнѣнно, что и персидскія сказанія имѣютъ свой источникъ не въ первооткровеніи. Не всегда авторъ обнаруживаетъ достаточное знакомство съ литературой предмета даже въ томъ объемѣ, въ которомъ она была ему вполне доступна (наприм., при перечисленіи изслѣдователей Зендъ-Авесты на 105 страл.).

Пишетъ авторъ литературнымъ языкомъ, но у него встрѣчаются отдѣльныя очень шероховатыя и неправильныя выраженія (стр. 2, 3, 9, 11, 13 и т. д.), которыя при незначительномъ объемѣ сочиненія легко бы было можно исправить.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

Исправляющаго должность доцента Анатолія Спасскаго:

О сочиненіи студента *Павла Громы*: „Исторія римскихъ папъ отъ Сильвестра I-го до Льва I-го“.

„Эпоха, которой принадлежитъ изучаемая г. Громой дѣятельность римскихъ папъ (304—440 г.г.), слагается изъ событій разнаго характера и выдающагося значенія. Это было время великихъ догматическихъ движеній, выразившихся, съ одной стороны, въ лжеученіяхъ аріанства, пелагіанства и несторіанства, съ другой, въ опредѣленіяхъ первыхъ трехъ вселенскихъ и многихъ помѣстныхъ соборовъ,—время допатистскаго раскола, антиохійской схизмы, споровъ объ Оригенѣ и борьбы по вопросамъ церковнаго управленія и церковной дисциплины. Во всѣхъ этихъ событіяхъ современные имъ папы принимали участіе, а потому и тотъ, кто изучаетъ ихъ исторію, долженъ ознакомиться съ этими явленіями и опредѣлить степень участія папъ въ ихъ развитіи. При такомъ разнообразіи предметовъ, подлежащихъ изученію Громы, нельзя требовать отъ сочиненія его полной самостоятельности въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, имъ затрогиваемыхъ. Такой самостоятельности сочиненіе Громы и не имѣетъ. Въ основѣ его лежитъ изслѣдованіе Боннскаго профессора-старокатолика Лянгена „Исторія римской церкви до Льва I-го“, отличающееся примѣрною обстоятельностью и научнымъ безпристрастіемъ. Повторяя во многихъ случаяхъ сужденія Лянгена, Грома не слѣдуетъ ему рабски: въ важнѣйшихъ мѣстахъ онъ провѣряетъ его и дополняетъ на основаніи тѣхъ источниковъ

и пособій, списокъ которыхъ онъ приложилъ къ своему сочиненію. Эти дополненія (равно какъ и списокъ пособій) авторъ съ пользой для себя могъ бы умножить на основаніи существующихъ въ русской литературѣ церковно-историческихъ монографій; впрочемъ одной изъ такихъ монографій онъ обязанъ 7—8-ю страницами своего сочиненія, хотя и ни разу не упоминаетъ о ея существованіи. Какъ на дальнѣйшій недостатокъ сочиненія Громы, должно указать на отсутствіе въ немъ прагматизма: авторъ перечисляетъ событія, но рѣдко объясняетъ ихъ; онъ слѣдуетъ хронологическому порядку, но не всегда его выдерживаетъ. Въ языкѣ сочиненія, — вообще простомъ и вразумительномъ — встрѣчаются неловкія фразы (напр. стр. 162, 212, 293 и друг.), неточности (наприм. *целобать* вм. *целибать*, *commentorium* вм. *commonitorium*, *Гефель* вм. *Гефеле*) и вульгарныя выраженія (стр. 146, 269, 428). — При указанныхъ недостаткахъ сочиненіе имѣетъ и свои достоинства. Авторъ правильно понялъ свою задачу, поставивъ ее въ опредѣленіи степени участія римскихъ папъ въ церковныхъ событіяхъ изучаемой имъ эпохи и въ изображеніи первоначальной стадіи развитія папскихъ притязаній на главенство въ церкви (стр. X), и съумѣлъ выполнить ее. Главные документы, какъ-то посланія папъ, каноны соборные и пр., просмотрѣны имъ по источникамъ и разъяснены обстоятельно. Излагая постепенное развитіе папскихъ притязаній, онъ не опускаетъ случая раскрыть ихъ неосновательность, даетъ отпоръ католическимъ историкамъ и повсюду является защитникомъ правды восточной церкви.

„Въ виду этихъ достоинствъ и сочиненіе его должно быть признано вполне удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова. о кандидатскихъ сочиненіяхъ:

1. Студента *Басилія Егорова* на тему: „Взглядъ древнихъ противораскольническихъ полемистовъ (до второй по-

ловины XVIII вѣка) на старопечатныя книги и (предписываемые въ нихъ) обряды“.

„Жестокословныя порицанія“ старопечатныхъ книгъ и предписываемыхъ въ нихъ особенностей богослужебнаго чина и обряда, содержащіяся въ сочиненіяхъ старинныхъ православныхъ полемистовъ противъ раскола, издавна служили и доселѣ не перестаютъ служить камнемъ соблазна для раскольниковъ. Послѣдніе ставятъ въ вину православной Церкви и ея представителямъ обнаруженное въ раннюю эпоху существованія раскола крайне отрицательное отношеніе къ упомянутымъ особенностямъ, и въ послѣдовавшемъ лѣтъ черезъ сто дозволеніи (единовѣрцамъ) содержать эти особенности при условіи сохраненія единства съ православною Церковью видятъ непослѣдовательность съ ея стороны, отступленіе отъ прежняго взгляда на спорные предметы, уступку расколу, вызванную признаніемъ своей прежней неправоты. Въ виду всего эгого вопросъ о дѣйствительномъ отношеніи старинныхъ православныхъ полемистовъ къ старопечатнымъ книгамъ и содержащимся въ нихъ церковнобогослужебнымъ особенностямъ получаетъ большой интересъ, а то или другое его рѣшеніе оказывается весьма не безразличнымъ для уясненія истиннаго характера отношеній Церкви и ея представителей къ расколу. Авторъ разсматриваемаго труда задался мыслью представить безпристрастное рѣшеніе этого вопроса не на основаніи отрывочныхъ фразъ, схваченныхъ изъ сочиненій старинныхъ полемистовъ (какъ дѣлаютъ упрекающіе Церковь раскольники), а на основаніи подробнаго изученія произведеній противораскольнической полемики за періодъ, указанный въ заглавіи сочиненія, въ связи съ тѣми историческими условіями, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ возникли эти произведенія. Послѣ очерка этихъ условій и довольно обстоятельнаго бібліографическаго обзора изученныхъ имъ памятниковъ литературной полемики противъ раскола

(гл. I), авторъ подробно и отчетливо излагаетъ взглядъ православныхъ полемистовъ конца XVII в. и первой половины XVIII на старопечатныя книги (гл. II) и на содержащіяся въ нихъ ошибки и спорныя особенности (гл. III) и, наконецъ, въ послѣдней (IV) главѣ сочиненія излагаетъ общіе выводы и конечные результаты своихъ изысканій. Констатируя рѣзкую, повидимому, двойственность и несогласованность возрѣвнй старинныхъ полемистовъ на указанные предметы: съ одной стороны — толерантное отношеніе къ укоренившимся у раскольниковъ богослужебнымъ особенностямъ, близкое къ идеѣ безразличія обрядовыхъ формъ, съ другой — ясно высказываемое иногда признаніе тѣхъ же особенностей погрѣшительными и даже еретическими, авторъ примиряетъ это кажущееся противорѣчіе тѣмъ, что признаетъ первое — выраженіемъ основнаго характера отношеній нашихъ полемистовъ къ содержимымъ раскольниками книгамъ и обрядамъ, а второе — оцѣнкою тѣхъ же самыхъ книгъ и обрядовъ по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда имѣлся на лицо фактъ упорной привязанности раскольниковъ къ однѣмъ формамъ обряда и рѣзко отрицательнаго отношенія къ другимъ. Это упорство раскольниковъ и заставляло—по мнѣнію автора—старинныхъ православныхъ полемистовъ предполагать, что въ неукоризненные сами по себѣ формы обряда раскольниками вкладывается собственный смыслъ, дорогой для нихъ, но противный ученію православной Церкви: вотъ почему (а не по обрядовому фанатизму, подобно раскольникамъ) въ извѣстныхъ обрядовыхъ особенностяхъ православные полемисты стараго времени отыскивали иногда еретичество и позволяли себѣ—въ духѣ того времени—по отношенію къ нимъ „тяжкодосадительныя“ пореченія... Такова основная мысль, проходящая чрезъ все разсматриваемое сочиненіе и сообщающая ему апологетическій характеръ. Усвоивши себѣ указанную точку зрѣнія на предметъ, авторъ удерживаетъ

ее твердо и обосновываетъ прочно и умно данными, добытыми тщательнымъ изученіемъ полемическихъ сочиненій, составленныхъ въ изучаемый имъ періодъ, и при томъ не только своевременно изданныхъ, но и отчасти такихъ, которыя еще остаются въ рукописяхъ. Со стороны литературной сочиненіе удовлетворительно, хотя по мѣстамъ и даетъ себя чувствовать нѣкоторая поспѣшность работы.

„Въ общемъ—нахожу справедливымъ отозваться о трудѣ г. Говорова съ похвалою и признать автора вполне заслуживающимъ искомой степени“.

2. Студента *Семена Голубева* на тему: „Историческій очеркъ возникновенія въ старообрядческомъ расколѣ идеи „согласія“ съ Русскою Церковью и постепеннаго развитія этой идеи въ такъ называемъ единовѣрїи“.

„Сочиненіе г. Голубева должно быть отнесено къ числу тѣхъ произведеній, въ которыхъ добрыя стороны замысла и содержаія въ весьма значительной степени заслоняются и затемняются не совсѣмъ удачными приѣмами исполненія. Избравши для своего сочиненія такой предметъ, о которомъ слишкомъ много было толковъ въ нашей литературѣ, авторъ не сумѣлъ занять самостоятельнаго положенія по отношенію къ своимъ литературнымъ пособіямъ и впалъ въ полную зависимость отъ нихъ не только со стороны содержанія (что было бы, пожалуй, еще не слишкомъ большимъ грѣхомъ), но и со стороны изложенія. Цѣлые довольно значительные отдѣлы своего произведенія онъ излагаетъ почти буквально словами имѣвшихся у него пособій, или же видоизмѣняя ихъ лишь настолько, что зависимость его отъ этихъ пособій не по мысли, а по буквѣ изложенія остается все-таки, слишкомъ замѣтной и неоспоримой. Фактъ тѣмъ болѣе прискорбный и непонятный, что авторъ безспорно — довольно полно ознакомленный съ литературой предмета, могъ бы, повидимому, безъ труда справиться съ внѣшней стороной своей работы, какъ можно судить по тѣмъ ей ча-

ствамъ, въ которыхъ ему удавалось эманципироваться отъ рабства своимъ пособіямъ. Такова, на примѣръ, первая половина II-й главы 2-го отдѣла сочиненія, написанная авторомъ на основаніи указанныхъ имъ раскольническихъ рукописей, еще не обслѣдованныхъ и не обнародованныхъ; такова же и заключительная глава сочиненія, содержащая *ria desideria* автора. Эти двѣ указанныхъ сейчасъ части сочиненія написаны довольно тщательно и показываютъ, что авторъ могъ бы и всю свою работу выполнить болѣе самостоятельно и не безъ пользы для уясненія спорныхъ сторонъ дѣла въ духѣ Церкви православною.

„Ради нихъ автору можно не отказывать въ искомой степени, понизивъ только оцѣнку его произведенія до возможнаго при этомъ минимума“.

3. Студента *Сергія Озерецковскаго* на тему: „Старець Спиридонъ Потемкинъ. (Опытъ біо-библіографическаго изслѣдованія въ области исторіи русскаго раскола)“.

„Спиридонъ Потемкинъ, инокъ Московскаго за Яузой монастыря, принадлежитъ къ числу не малозначительныхъ дѣятелей первоначальной исторіи старообрядческаго раскола. Его воззрѣнія на современныя событія русской церковной жизни и его литературная полемика противъ книжныхъ и церковно-обрядовыхъ исправленій, предпринятыхъ при патриархѣ Никонѣ, оказали сильное вліяніе на нѣкоторыхъ изъ его современниковъ и оставили замѣтный слѣдъ въ произведеніяхъ извѣстныхъ первоучителей раскола (на примѣръ, дьякона Федора и др.). Не смотря на это, свѣдѣнія о его личности (не особенно обильныя), сообщенныя въ современныхъ и близкихъ къ нему по времени источникахъ, до послѣдняго времени оставались не разобранными въ должной полнотѣ и критически не разсмотрѣнными, а въ изученіи его сочиненій, до сихъ поръ остающихся въ рукописяхъ, даже такіе изслѣдователи, какъ высокопреосвященный историкъ русской Церкви митрополитъ Макарій, не идутъ дальше

того, что содержится въ описаніи рукописей Хлудовской библіотеки, составленномъ А. Поповымъ. Такимъ образомъ для изслѣдователя, желающаго заняться изученіемъ личности, литературной дѣятельности и возрѣвнѣй старца Спиридона, представляется трудъ, весьма мало облегчаемый работами предшественниковъ, Г. Озерецковскій, принявшій на себя этотъ трудъ, выполнилъ его съ должнымъ усердіемъ и достаточнымъ успѣхомъ. Онъ собралъ, проанализировалъ и довольно искусно сгруппировалъ скудные и отрывочныя сообщенія источниковъ о личности и жизни старца Спиридона (гл. I), представилъ подробный библиографическій обзоръ его сочиненій по рукописямъ библиотекъ: Императорской Публичной, Московской Духовной Академіи и Хлудовской (гл. II, отд. А), изложилъ на основаніи этихъ сочиненій весьма подробно и съ достаточною отчетливостію взглядъ Спиридона на книжныя и обрядовыя исправленія при патриархѣ Никонѣ, въ связи съ общими идеями о наступленіи царства антихристова (гл. II, отд. Б), наконецъ — сдѣлалъ попытку установить отношеніе Спиридона, по его дѣятельности и возрѣвнѣямъ, къ другимъ первоучителямъ раскола и такимъ образомъ опредѣлить его мѣсто въ ряду послѣднихъ (гл. III). Правда, не всѣ эти отдѣлы изслѣдованія г. Озерецковскаго разработаны имъ съ одинаковою полнотою: такъ, послѣдній отдѣлъ представленъ въ видѣ сравнительно весьма краткаго эскиза, — вѣроятно, по недостатку времени, а можетъ быть еще и потому, что для выполненія этой части своего труда авторъ недостаточно полно ознакомился съ сочиненіями другихъ дѣятелей старообрядческаго раскола въ эпоху его возникновенія. Съ внѣшней стороны — разсматриваемое произведеніе не блещетъ литературными достоинствами. Но, не задаваясь особенными претензіями, авторъ скромно и добросовѣстно выполнилъ свой трудъ. То, что необходимо было изучить для работы, онъ изучилъ, а то обстоятельство, что ему приходилось работать по руко-

писнымъ источникамъ и почти безъ пособій, возвышаетъ цѣну его труда.

Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ“.

4. Студента *Александри Стефановскаго* на тему: „Отношеніе раскола къ (гражданскому) правительству въ XVII вѣкѣ“.

„Вопросъ объ отношеніи раскола къ гражданскому правительству въ XVII вѣкѣ принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ начальной исторіи старообрядческаго раскола, съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ которыхъ тѣсно связано пониманіе самой сущности названнаго раскола въ эпоху его возникновенія. Извѣстно, что существуетъ цѣлая „школа“ изслѣдователей, считающая расколъ явленіемъ не религіозной, а земско-соціальной жизни русскаго народа, продуктомъ народнаго недовольства различными неустройствами именно въ этой, соціально-политической, а не церковно-религіозной сферѣ, протестомъ противъ мѣропріятій гражданской власти въ области ея компетенціи, а не власти церковной въ области богослужебнаго чина и обряда. Главнымъ основаніемъ въ пользу такого взгляда на сущность раскола и его происхожденіе выставляются политическіе бунты и противогосударственныя движенія конца XVII вѣка, въ которыхъ главными дѣятелями и руководителями были, повидимому, раскольники; таковы — возстаніе соловлянъ, стрѣлеcko-раскольническій бунтъ въ Москвѣ въ 1682 году и возстаніе на Дону, возбужденное раскольникомъ Кузьмой Косымъ, въ 80-хъ годахъ XVII вѣка. Изученію этихъ-то противоправительственныхъ движеній, въ цѣляхъ уясненія дѣйствительной роли и значенія соціально-политическаго элемента въ начальной исторіи старообрядческаго раскола и посвящаетъ свое изслѣдованіе, точнѣе — три послѣднія главы (II, III и IV) г. Стефановскій, предпославши этому обстоятельное изложеніе взгляда на верховную государственную власть, выраженнаго въ челобитныхъ и другихъ сочи-

неніяхъ первыхъ расколоучителей (гл. I, состоящая изъ двухъ особыхъ отдѣловъ). Подробный и отчетливый конспектъ, помѣщенный авторомъ въ началѣ каждой главы (въ гл. I и предъ каждымъ изъ двухъ ея отдѣловъ) дѣлаетъ излишнимъ передавать здѣсь болѣе подробно содержаніе разсматриваемаго сочиненія; достаточно будетъ указать только тѣ конечные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ путемъ своихъ изысканій. Выводы эти, вполне согласно съ дѣйствительнымъ содержаніемъ изслѣдованія, выражены въ слѣдующихъ словахъ послѣловія: „Оглядываясь на разсмотрѣнные нами событія и факты изъ исторіи раскола, въ которыхъ выразились отношенія раскольниковъ къ свѣтской власти, мы должны придти къ заключенію, что въ XVII вѣкѣ эти отношенія развивались на почвѣ чисто религіозной. Раскольники не разъ, какъ мы видѣли, бунтовали противъ власти, но эти бунты вызывались не социальными мотивами, ни—тѣмъ болѣе—политическими, а исключительно религіозными. Въ основѣ отношеній раскола къ правительству въ XVII вѣкѣ лежало стремленіе раскольниковъ во чтобы бы то ни стало возстановить старый обрядъ. Мѣнялись средства, какими раскольники дѣйствовали на власть, чтобы склонить ее на свою сторону, но цѣль оставалась одна и таже — торжество „истинной“ вѣры. Даже Кузьма Косоѣ, проповѣдуя царевѣиство, рѣшился на такую крайнюю мѣру лишь потому, что видѣлъ въ ней единственное средство очистить русскую землю отъ никоніанства. Въ средствахъ, какія практиковали раскольники въ своей борбѣ съ властью, мы наблюдаемъ строгую постепенность. Начавъ съ челобитныхъ къ царю, раскольники переходятъ къ вооруженной борбѣ — сначала оборонительной, затѣмъ наступательной — и кончаютъ замыслами на жизнь царя. Но, повторяемъ, въ XVII вѣкѣ расколъ оставался явленіемъ строго религіознымъ, не касаясь въ своей борбѣ съ свѣтскою властью какихъ-либо социальныхъ неустройствъ, ни тѣмъ болѣе — подкапываясь

подъ сложившійся государственный строй, вопреки извѣстному мнѣнію Шапова и его школы“. Отсюда видно, что авторъ усвоилъ себѣ вполнѣ правильный взглядъ на сущность старообрядческаго раскола и на тотъ рядъ, повидимому, противорѣчащихъ этому взгляду фактовъ, который подлежалъ его изученію. И должно замѣтить, что взглядъ этотъ усвоенъ имъ отнюдь не механически, не повторяется имъ съ чужого голоса: напротивъ, онъ является результатомъ серьезнаго изученія взятаго предмета, о чемъ свидѣтельствуетъ стройность и обдуманность, обнаруживающаяся во всемъ ходѣ изслѣдованія, въ развитіи его мыслей, въ распредѣленіи деталей. Видно, что авторъ писалъ не наугадъ, лишь постепенно уясняя самому себѣ предметъ своихъ изысканій по мѣрѣ того, какъ его трудъ подвигался впередъ. Съ самаго начала ставши на вѣрный путь, онъ до конца изслѣдованія продолжаетъ идти по нему спокойно и увѣренно, не упуская изъ виду главнаго и потому не вдаваясь въ излишнія для своей цѣли подробности, но въ тоже время не оставляя не затронутымъ и неразъясненнымъ ничего, что требуется прямыми интересами дѣла. Мысль автора, всегда ясная и опредѣленная, выражена въ формѣ простой, отчетливой—и краткой, чуждой претенціозной изысканности и пустословія. Съ этой стороны сочиненіе г. Стефановскаго заслуживаетъ полной похвалы.

Въ общемъ — оно можетъ быть отнесено къ числу очень хорошихъ сочиненій, дающихъ автору полное право на получение искомой степени кандидата богословія.

9) Представленный и. д. инспектора академіи іеромонахомъ Кирилломъ списокъ студентовъ и вольнослушателей 4 курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе всѣхъ студентовъ и вольнослушателей обозначено балломъ 5.

Справка: 1) § 132—140 устава духовныхъ академій: По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется совѣ-

томъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія. При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. Примѣчаніе. При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся. Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса. При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента. Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи совѣта и приглашенныхъ совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ). Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра, они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе. Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. Если получившій степень

кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ соотвѣтствующихъ оной, то при соисканіи такими лицами степени магистра, совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія. Примѣнительно къ сему совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата. 2) Вольнослушатели: священникъ Сергій Веригинъ, іеродіаконъ Никонъ и Василій Буяльскій приняты въ академію на основаніи указовъ Святѣйшаго Синода отъ 21 Августа, 4 Сентября и 26 Ноября 1891 года за №№ 4339, 4579 и 5578 на тѣхъ же основаніяхъ, что и вольнослушатели 3-го курса. 3) Дѣйствительный статскій совѣтникъ лекарь Александръ Колесовъ допущенъ къ слушанію академическихъ лекцій на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 13 Августа 1893 года за № 3588, съ правомъ въ теченіе двухъ лѣтъ сдать экзамень по богословскимъ предметамъ академическаго курса для полученія, по представленіи кандидатской диссертациі, степени кандидата богословія. 4) Священникъ Евгеній Мерцаловъ подвергнутъ испытаніямъ по всеѣмъ общеобязательнымъ предметамъ академическаго курса и спеціальнымъ второй (исторической) группы согласно опредѣленію совѣта академіи отъ 29 Мая сего года, утвержденному **Его Высокопреосвященствомъ** 14 Іюня. Сужденіе объ удостоеніи о. Мерцалова степени кандидата богословія постановлено совѣтомъ академіи имѣть по сдачѣ Мерцаловымъ всеѣхъ испытаній и по полученіи отзыва объ его кандидатскомъ сочиненіи. Въ среднемъ выводѣ о. Мерцаловъ имѣетъ балль болѣе $4\frac{1}{2}$. 5) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата

значится въ числѣ дѣлъ академіи, представляемыхъ на утверждение **Епархіальнаго Преосвященнаго**.

Опредѣлили: Благопочтительнѣйше просить **Его Высокопреосвященство** объ утвержденіи I) студентовъ 4-го курса: Городенскаго Николая, Смирнова Сергѣя, Добролюбова Ивана, Лупнова Павла, Лебедева Николая, Грандилевскаго Леонида, Западалова Алексѣя, Покровскаго Василия, Смирнова Кронида, Веѣхсвятскаго Константина, Брянцева Дмитрія, Кузнецова Василия, а также священника Мерцалова Евгенія въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устного испытанія; II) студентовъ: Селунскаго Николая, Стефановскаго Александра, Грому Павла, Ливанова Виктора, Никольскаго Константина, Попова Евгенія, Поліевктова Сергѣя, Граціанскаго Михаила, Добротина Геннадія, Дмитревскаго Никифора, Сваицкаго Аполлинарія, Георгіевскаго Павла, Успенскаго Сергѣя, Тихомирова Ивана, Соловьева Александра, Каптерева Владиміра, Попова Сергѣя, іеродіакона Андроника, Булгакова Ивана, Говорова Василия, князя Ухтомскаго Александра, Орлова Сергѣя, Славскаго Михаила, Озерецковскаго Сергѣя, Нечаева Михаила, Строганова Ивана, Пятикрестовскаго Александра, Песочина Александра, іеродіакона Стефана, Пифонтова Николая, Бѣленьскаго Бориса, священника Симеона Никольскаго, Гальковскаго Николая, Воскресенскаго Александра, іеромонаха Трифона, Голубева Семена, Веніаминова Ивана, Виноградова Филиппа, Касаткина Семена, Никольскаго Оеодосія, Краснова Николая, Нарбекова Николая, Виноградова Ивана, Розанова Дмитрія, Витошинскаго Емельяна, Хабибъ-Хананію Якова, Видойковича Иордана и вольнослушателей: священника Сергія Веригина, іеродіакона Никона и Буяльскаго Василия—въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137—139 академическаго устава;

III) вольнослушателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, лекаря Александра Колесова въ степени кандидата богословія, безъ предоставленія ему права на полученіе степени магистра, такъ какъ онъ сдавалъ экзамены, согласно разрѣшенію Святѣйшаго Синода, не по всѣмъ предметамъ академическаго курса, а только по богословскимъ; IV) студентовъ: Абрамовича Владиміра, Артоболевскаго Ивана, Брехова Михаила, Жданова Ивана, Лашнюкова Василя, Попова Константина, Смирнова Александра, Смирнова Михаила, Спасскаго Николая и Юрасова Василя, не представившихъ кандидатскихъ сочиненій, въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи сочиненій заслуживающихъ сей степени. V) Отзывы преподавателей академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ и вольнослушателей 4-го курса, а также священника Евгенія Мерцалова благопочтительнѣйше представить при семъ журналѣ **Его Высокопреосвященству.**

V. Предложеніе о. ректора академіи архимандрита Антонія: „Честъ имѣю предложить совѣту академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ курсъ студентовъ академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каедръ въ академіи“.

Справка: §§ 54 — 56 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи, совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, окончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо-назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 руб. на cadaго. По истеченіи года они представляютъ отчетъ совѣту въ своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя каедры въ академіи или семинаріяхъ“. 2) По § 81 лит. б. п. 5

того же устава „оставленіе при академіи окончившихъ курсъ студентовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ совѣта академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Оставить для приготовленія къ замѣчанію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ академіи въ будущемъ учебномъ году нынѣ окончившихъ курсъ въ академіи Николая Городенскаго и Сергѣя Смирнова съ производствомъ имъ содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 2% на пенсіи. Мнѣніе сіе благопочтительнѣйше представить на утвержденіе **Его Высокопреосвященства**.

VI. Предложеніе его же: „Честь имѣю предложить совѣту академіи озаботиться въ настоящее время избраніемъ кандидата на освобождающуюся послѣ ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго кафедре исторіи русской церкви.

Справка: По § 81 лит. а п. 7 устава духовныхъ академій „принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: На освобождающуюся кафедру по русской церковной исторіи избрать окончившаго нынѣ курсъ и оставляемаго при академіи въ качествѣ профессорскаго стипендіата Сергѣя Смирнова, обязавъ его въ теченіи года готовиться къ чтенію лекцій по русской церковной исторіи, а по истеченіи его представить, на основаніи § 55 устава духовныхъ академій, отчетъ совѣту въ своихъ занятіяхъ и прочитавъ двѣ установленныя § 50-мъ того же устава пробныя лекціи, послѣ чего имѣть окончательное сужденіе о представленіи его на утвержденіе **Его Высокопреосвященства** въ качествѣ исправляющаго должность доцента академіи.

На семь журналѣ резолюція **Его Высокопреосвященства:** „Юля 14. Окончившіе курсъ и въ статьѣ IV представлен-

ные къ возведенію въ степени утверждаются: студенты, означенные въ первомъ пунктѣ,— въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра безъ устнаго испытанія; въ пунктѣ второмъ поименованные студенты и вольнослушатели—въ степени кандидата богословія съ правомъ на магистерскую по §§ 137 - - 9 устава; значущійся въ третьемъ пунктѣ вольнослушатель Колесовъ— въ степени кандидата богословія; въ четвертомъ пунктѣ поименованные—въ званіи дѣйствительнаго студента. Переводныя три статьи сего журнала утверждаются, при чемъ студенту Надеждину разрѣшается держать экзаменъ послѣ кавикуль. Мнѣніе, изложенное въ пятой статьѣ, принять къ исполненію. Съ предложеніемъ по VI-й статьѣ согласенъ“.

14 Іюня 1895 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, архимандрита Антонія, члены совѣта академіи, кромѣ и. д. инспектора іеромонаха Кирилла, экстраординарныхъ профессоровъ А. Смирнова, Г. Воскресенскаго и Н. Заозерскаго, находящихся въ отпуску, и Н. Корсунскаго, не присутствовавшаго по домашнимъ обстоятельствамъ.

Въ собраніи семъ настоятель церкви при русской миссіи въ Аeiнахъ, кандидатъ богословія, архимандритъ Сергій защищалъ представленную имъ на степень магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Православное ученіе о спасеніи“. Сергіевъ Посадъ, 1895 г. Оффиціальными оппонентами были: ректоръ академіи архимандритъ Антоній и экстраординарный профессоръ по каедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій В. Соколовъ.

По окончаніи коллоквиума ректоръ академіи, собравъ голоса членовъ совѣта, объявилъ, что совѣтъ призналъ защиту магистрантомъ его диссертациіи удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе,